

Юрий Верхолин

ТOKEN MALE

офисная антиутопия

Он был декорацией.

Пакет не одобрил.

Юрий Верхолин

Token male

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Token male / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Ещё вчера Даниил управлял корпорацией с сорок третьего этажа. После аварии он приходит в себя в мире, где привычные правила перевёрнуты: бизнесом управляют женщины, мужчины занимают символические должности, а место Даниила в совете директоров существует лишь ради соблюдения корпоративных норм. Его прежние методы здесь вызывают недоумение, амбиции считают опасными, а попытки вернуть влияние — признаком неправильного поведения. Но Даниил слишком хорошо помнит, кем был раньше. И когда система предлагает ему молчать и улыбаться, он решает выяснить, насколько далеко она готова зайти. «Token male» — офисная антиутопия о власти, равенстве и мире, в котором привычные роли поменялись местами.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман перевертыш	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юрий Верховин

Token male

Роман перевертыш

Кондиционер в кабинете Даниила гудел с привычной, навязчивой настойчивостью, которую он перестал замечать где-то на третьем году работы в этой башне из стекла и амбиций. Сорок третий этаж, панорамное окно, за которым Москва раскинулась серой, мокрой от дождя картой, полной неважных, мелких людей, спешащих по своим неважным, мелким делам. Он сидел в кресле стоимостью больше, чем многие из этих людей зарабатывали за полгода, и смотрел на них сверху вниз — буквально и метафорически. Даниил Владимирович Костомаров, сорок два года, СЕО холдинга «Аксиома Групп», один из самых молодых топ-менеджеров в рейтинге российского Forbes, обладатель резких скул, серых глаз и манеры говорить так, словно каждое его слово весит больше, чем годовой бюджет среднестатистической семьи.

На столе перед ним лежал планшет с отчётом. Не просто отчётом — это был документ, который должен был стать точкой в споре, длившемся уже три месяца. Споре с Еленой Михайловной Воробьёвой, директором по развитию, человеком, которого он нанял лично четыре года назад, потому что она была умна, работоспособна и — он это признавал только самому себе в тишине кабинета, после третьего бокала виски — потому что её внешность добавляла очков компании на встречах с западными инвесторами. Женщина за столом переговоров — это не только мозги, это ещё и картинка, говорил он как-то на закрытом ужине с партнёрами, и те хмыкнули, кивнули, подняли бокалы. Все понимали, о чём речь. Это был язык, на котором говорили успешные мужчины его круга: без истерик, без притворной политкорректности, просто факты рынка.

Но Елена перестала быть картинкой. Она начала думать, что она — мозг. И это было непростительно.

Даниил откинулся на спинку кресла и снова пролистал цифры. Проект поглощения «НордТека» — сервиса логистики, который мог бы вывести «Аксиому» на рынок Северо-Запада за полгода вместо трёх лет органического роста. Елена отвечала за переговоры. И вместо того чтобы давить, ломать, забирать — она договаривалась. Договаривалась, как будто это был детский сад, а не бизнес со ставками в миллиарды. Она предлагала партнёрам выгодные условия переходного периода, сохранение их управленческой команды, гуманный график интеграции. Гуманный. Слово, которое Даниил ненавидел всей душой. В бизнесе не было места гуманности. Была жестокость, была скорость, была хищность — и победитель, который забирает всё.

Он нажал кнопку внутренней связи.

— Марина, пусть Воробьёва придёт через пять минут. И закажите кофе. Крепкий.

— Да, Даниил Владимирович, — послышался голос секретарши, покорный, отточенный годами службы тон.

Он встал и подошёл к окну. Дождь струился по стеклу, размывая огни города в жёлтые и красные кляксы. Внизу, на Тверской, двигались машины — маленькие, как игрушечные, полные маленьких людей, которые ещё не поняли, что жизнь — это игра с нулевой суммой. Ты либо ешь, либо тебя едят. Даниил ел. Он ел десять лет подряд, начиная с должности младшего аналитика в консалтинге, где спал на раскладушке под столом, и заканчивая этим кабинетом, этим видом, этой властью. Он не собирался останавливаться. И уж точно не собирался позволить какой-то Елене Михайловне с её мягкотелыми идеями о партнёрстве и доверии рушить стратегию, над которой он работал полгода.

В дверь постучали.

— Войдите.

Елена вошла, и Даниил, не оборачиваясь, следил за её отражением в стекле. Строгий тёмно-синий костюм, волосы собраны в узел, минимум украшений — только тонкие серьги и часы. Профессионал. Он сам учил её так одеваться, когда она только пришла в компанию: никаких цветочных принтов, никаких каблучков выше семи сантиметров, никакого громкого макияжа. Ты должна выглядеть так, чтобы мужчины слышали твои цифры, а не смотрели на твою грудь. Она послушалась. Она всегда послушно впитывала, училась, росла. И вот — выросла слишком высоко.

— Садитесь, — сказал он, поворачиваясь.

Елена села в кресло напротив стола. Даниил не садился. Он предпочитал стоять, когда читал кому-то нотации — так выгоднее, так он казался выше, так он доминировал в пространстве.

— Я посмотрел вашу версию соглашения по «НордТеку», — начал он, и его голос был ровным, почти ленивым, что всегда служило предупреждением. — Елена Михайловна, скажите, пожалуйста, вы там, в переговорах, что делали? Чай пили? О погоде болтали? Или всё-таки пытались отстаивать интересы компании?

Она вздрогнула — едва заметно, но он это увидел. Хорошо. Пусть дрожит.

— Даниил Владимирович, я считаю, что условия, которые я выбила...

— Выбили? — он перебил её, и в его голосе зазвучала лёгкая, ядовитая ирония. — Вы выбили условия? Или вам их подали на блюдечке с голубой каёмочкой? Сохранение команды Петрова на полгода. Отсрочка по интеграции ИТ-систем на квартал. Снижение штрафных санкций за нарушение KPI в первые три месяца. Знаете, что это? Это не выгодная сделка. Это благодетельность. Это вы пошли в драку и пришли с разбитым носом, но убеждаете меня, что вы — моральный победитель.

Елена сжала губы.

— Если мы войдём в «НордТек» силой, мы получим сопротивление на местах. Ключевые сотрудники уйдут. Мы потеряем экспертизу. Я посчитала...

— Вы посчитали, — Даниил усмехнулся, и звук этот был тихим, но отрезвляющим, как щелчок затвора. — Вы посчитали риски. А я посчитал деньги. Знаете, сколько стоит каждый месяц промедления? Пятьсот миллионов рублей упущенной выручки. Пятьсот. И вы хотите отдать эти деньги на алтарь ваших человеческих отношений с Петровым? Он ваш друг? Любовник? Или вы просто не можете смотреть в глаза людям, когда говорите им правду: они проиграли, и теперь они наши рабы?

— Даниил Владимирович, это не так...

— Это именно так, — он резко опустил ладонь на стол, и планшет подпрыгнул. — Я вас слушаю три минуты, Елена Михайловна, и слышу одно: страх. Страх быть жёсткой. Страх принимать непопулярные решения. Вы думаете, почему женщины так редко возглавляют действительно крупный бизнес? Не из-за дискриминации, не из-за стеклянного потолка. А потому, что большинство из вас не способно отключить эмпатию там, где нужна холодная логика. Вы хотите всем понравиться. Хотите, чтобы вас любили. И поэтому вы слабы.

Он наконец сел, но не отступил — наоборот, наклонился через стол, смотря ей прямо в глаза.

— Я вас взял четыре года назад, потому что вы были умны. Но я вас держу только потому, что вы выполняете мои указания. Если вы начинаете думать, что ваши мягкие методы лучше моих — вы ошибаетесь. И ошибка эта может стоить вам карьеры. Переделайте соглашение. Уберите все эти отсрочки и поблажки. Дайте им ультиматум: принимают наши условия за семь дней, или мы запускаем конкурирующий продукт и давим их ценой. Ясно?

Елена молчала несколько секунд. Её лицо побелело, а потом залилось тусклым, горьким румянцем. Она встала.

— Ясно, Даниил Владимирович.

— И Елена, — он добавил, уже отворачиваясь к окну, — на следующем совете директоров вы будете защищать жёсткую версию. Без «я думаю», без «возможно, стоит учесть». Только цифры. Только факты. Или я найду того, кто сможет.

Дверь закрылась тихо, почти бесшумно, но Даниил услышал в этом звуке что-то вроде тихого, приглушённого щелчка. Не важно. Пусть обижается. В бизнесе не место обидам. Он взял со стола кофе, который принесла Марина, отпил — горький, крепкий, правильный — и снова посмотрел на город. Он победил. Он всегда побеждал. Это было его состояние, его норма, его воздух.

Вечером того же дня в здании «Аксиомы» проходил корпоратив по случаю закрытия квартала. Даниил ненавидел корпоративы, но присутствие СЕО было обязательным — это часть бренда, часть мифа, который он создавал вокруг себя. Доступный лидер, человек из народа, тот, кто знает имена всех сотрудников. Чушь, конечно. Он знал имена только тех, кто непосредственно влиял на отчётность. Но миф требовал жертв, и Даниил жертвовал тремя часами своего времени, попивая виски в углу банкетного зала на двадцатом этаже, отмахиваясь от попыток младших менеджеров подойти и просто познакомиться.

Елена стояла у стойки бара, одна, с бокалом белого вина, которое она не пила. Она смотрела в окно, и Даниил заметил, что её плечи слегка сторблены — не так, как обычно, с их выправкой военного образца. Она выглядела уставшей. Сломленной? Нет. Он знал сломленных. Это было что-то другое. Тихое, тяжёлое ожидание.

Пойдёмте, — сказал он себе, когда часы показали десять. Достаточно.

Он вызвал водителя, но тот сообщил, что застрял в пробке на Садовом — ДТП, разбитая фура, всё как всегда. Даниил хмыкнул. Пусть Елена подвезёт. Было бы даже поучительно — несколько минут в закрытом пространстве с человеком, которого он только что поставил на место. Пусть почувствует атмосферу. Пусть помнит, кто здесь хозяин.

Он подошёл к ней у выхода.

— Воробьёва, вы на машине?

Она подняла на него глаза. В её взгляде не было ни страха, ни гнева — только странная, отстранённая ясность.

— Да.

— Подвезёте до Кропоткинской. Мой водитель в пробке.

— Хорошо.

Они спустились в подземный паркинг. Её машина — серебристый «Мерседес» Е-класса, скучный, солидный, правильный выбор для женщины её статуса. Даниил сел на заднее сиденье — по инерции, по привычке, по неписаному правилу, что СЕО не садится рядом с водителем, если только это не партнёр по переговорам. Елена завела мотор. Парковка была полупустой, только несколько машин сотрудников, задержавшихся после праздника.

— Вы знаете, Даниил Владимирович, — сказала она, когда они выехали на улицу, — я всё-таки думаю, что вы неправы.

Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида. Её глаза были прикованы к дороге, руки крепко держали руль.

— О чём это вы? — спросил он с ленивым раздражением.

— О «НордТеке». О методах. О том, что сила — не всегда ответ. Иногда...

— Иногда что? — он перебил её. — Иногда нужно петь колыбельные конкурентам? Иногда нужно обниматься с теми, кто пытается отобрать у тебя кусок пирога? Елена Михайловна, вы умны, но вы женщина. И ваша приroda...

Он не договорил.

Фары врезались в боковое стекло с такой скоростью, что Даниил успел только подумать: жёлтый. Жёлтый цвет такси. Потом — грохот, невозможный, вселенский, будто не машина врезалась в машину, а планета в планету. Стекло разлетелось в алмазную пыль. Мир перевернулся — буквально, физически: потолок стал полом, пол — потолком. Даниил ударился головой о что-то твёрдое, ощутил горячую струю по виску, и тут же, в эту же секунду, наступила тьма. Не постепенно, не как закат — а как выключенный свет. Щелчок. И нет ничего. Нет звука, нет боли, нет мысли о жёлтом такси. Нет мысли о Елене. Нет мысли о себе.

Только пустота, глубокая и абсолютная, как сон перед сном.

Первое, что он почувствовал, был запах. Не запах больницы, как он её помнил — не ту же стерильную горечь хлорки и страха, которую он вдыхал год назад, когда делал МРТ позвоночника. Это был другой запах. Сладковатый, тяжёлый, навязчивый, как будто кто-то разлил в палате целый флакон дорогого, приторного парфюма. Запах, который лип к нёбу, забирался в нос, требовал внимания.

Даниил попытался открыть глаза. Веки были свинцовые, прилипшие, непослушные. Он моргнул, моргнул снова — и увидел потолок. Белый, ровный, с встроенными светильниками, светящими мягким, приглушённым светом. Не больничным потолком. Скорее, потолок дорогой клиники. Или отеля.

Он попытался пошевелиться. Тело отозвалось болью — тупой, разлитой, всюду, но не острой, не критичной. Боль усталости, а не травмы. Будто он пробежал марафон, а не попал в аварию.

— А-авария, — прошептал он самому себе, и голос прозвучал чужим, хриплым, чужеродным.

— О, вы проснулись! — послышался голос, и Даниил повернул голову.

У кровати стояла женщина. Молодая, двадцать пять — тридцать лет, в белом халате, но халат этот был каким-то неправильным. Слишком приталенным, слишком коротким, с вышитым логотипом на груди — красной розой в стиле кельтского узора. У неё были ярко-накрашенные губы, длинные накладные ресницы, и она смотрела на него с выражением, которое Даниил не мог сразу разобрать. Это был взгляд, которым смотрят на что? На больного ребёнка? На милого щенка?

— Как себя чувствуем, дорогой? — спросила она, и голос её был писклявым, сюсюкающим, полным избыточной, нелепой нежности.

Даниил попытался очнуться. Где он? Что происходит?

— Где... — он закашлялся, горло пересохло. — Где я?

— Вы в Клинике «Амрита», в палате восстановительной терапии. Вы были в маленькой аварии, помните? Но всё хорошо, всё позади. Вы в безопасности.

Она произнесла это так, как будто успокаивала пятилетнего ребёнка, упавшего с велосипеда. Даниил почувствовал, как по спине пробежал странный, неприятный холод. Что-то было не так. Что-то было совсем не так.

— Какая авария? — спросил он, и его голос стал крепче. — Сколько я здесь? Где Елена Воробьёва? Она была со мной в машине.

Медсестра — он предполагал, что она медсестра, хотя выглядела она скорее как стюардесса премиум-класса — переглянулась с кем-то за его спиной. Даниил повернул голову. В углу палаты, за занавеской, стояла ещё одна женщина, в таком же халате, и записывала что-то в планшет.

— Елена? — переспросила первая. — Вы имеете в виду госпожу Воробьёву?

Госпожу. Слово прозвучало странно. Не Елена Михайловна. Госпожа.

— Да, Воробьёва. Моя директор по развитию. Она жива?

— О, госпожа Воробьёва совершенно здорова! — медсестра засмеялась, и смех её был звонким, легкомысленным. — Она даже навестила вас вчера, но вы спали. Такая сильная, уверенная женщина. Настоящая скала. А вы, бедняжка, ударились головой и провели в коме два дня. Но ничего, мужской организм такой нежный, такой чувствительный. Мы привыкли заботиться.

Даниил моргнул. Он не понимал. Или, скорее, понимал, но отказывался принимать.

— Мой организм? — переспросил он. — Что значит «мужской организм»? Вы о чём?

Медсестра снова переглянулась со своей коллегой. В их взглядах мелькнуло что-то вроде снисходительной улыбки.

— Ну, вы же мужчина, дорогой, — сказала она так, как будто напоминала очевидный факт ребёнку. — Мужчины у нас более хрупкие, более эмоциональные. Их нервная система не выдерживает таких стрессов, как аварии. Нужно больше заботы, больше внимания. Не переживайте, мы вас выходим.

Она поправила ему одеяло, и её движение было медленным, показным, как у няньки, укладывающей спать капризного малыша. Даниил почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Послушайте, — он сказал резче, чем хотел, и голос его сорвался на повышенный тон. — Я не знаю, что за шутки здесь принято разводить, но я — Даниил Костомаров. СЕО «Аксиомы». Я требую связаться с моим адвокатом. И с Еленой Воробьёвой. Немедленно.

Медсестра отшатнулась. Её глаза расширились, и в них появился испуг — настоящий, неподдельный. Она отступила на шаг, положив ладонь на грудь.

— Ой, как громко, — прошептала она. — Как агрессивно. Доктор Ирина говорила, что у вас может быть эмоциональная нестабильность после травмы. Не волнуйтесь, мы вас не бросим.

Она достала из кармана маленький флакончик с розовой жидкостью и распылила что-то в воздух. Запах лаванды и ванили мгновенно наполнил палату.

— Вот так, вот так, — закачала она. — Дышите. Успокойтесь. Агрессия — это плохо для мужской кожи. Вы же хотите быть красивым и свежим, когда выйдете?

Даниил замер. Он буквально замер, не в силах пошевелиться. В его голове крутилась одна мысль: это сон. Это кошмар. Это результат удара головой, галлюцинация, бред комы. Он закрыл глаза, медленно считая до десяти. Раз. Два. Три. Открою глаза — и всё будет нормально.

Будет обычная больница, обычная медсестра, и он позвонит своему помощнику, и тот придет с адвокатами, и они разберутся с этим таксистом-ублюдком, и...

Он открыл глаза.

Медсестра всё ещё стояла у кровати, всё ещё смотрела на него с тем же снисходительным взглядом. За окном было светло — серое, московское, дождливое светло. На стене висел плакат. Даниил повернул голову, напрягая зрение, и прочитал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.